

УДК 9(571.53)

Влияние декабристов на формирование культурных традиций в Иркутске: причины, природа, последствия

Т. А. Перцева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В статье рассматриваются причины разноречивого отношения к вкладу декабристов в культурное развитие Сибири. На основе воспоминаний современников, в том числе сибиряков, делается попытка исследовать природу влияния «государственных преступников» на формирование культурных традиций сибиряков: их происхождение, уровень образования, личные качества, степень и формы включенности в жизнь местного общества. Параллельно автор обращает внимание на уровень культурных запросов различных слоев иркутского общества, его готовность к принятию новой системы общественных взаимоотношений и мировосприятия.

Ключевые слова: декабристы, Сибирь, иркутское общество, купцы, чиновники, образование, культурное влияние.

Общепринято считать, что Иркутск – город, богатый культурными традициями. Во многом это объясняется тем, что в отсутствие в Сибири дворянства (во всяком случае, местного дворянства) ведущую роль в общественной жизни играло купечество. С одной стороны, в этих условиях оно (или какая-то его часть) должно было воспринимать черты и элементы дворянской культуры, дворянского образа жизни, дворянских нравственных норм. С другой – будучи по своему социальному положению (зачастую и происхождению) более тесно связано с «городскими обывателями» (разночинцами, мещанами, ремесленниками), оно оказывало влияние на распространение и укрепление новых традиций и в этой среде, что, в конечном счете, предопределило и их глубину, и прочность. Своеобразным передаточным звеном в этом процессе были два, принципиально противоположные друг другу, источника: приезжее из Европейской России чиновничество и ссыльные, разумеется, из привилегированных сословий. К последним относились и декабристы.

До недавнего времени не менее общепринятым было мнение о том, что именно декабристы оказали решающее влияние на развитие многих, в том числе и культурных, процессов в Сибири. В постсоветской России это мнение было подвергнуто сомнению, более того, появились высказывания о том, что значение просветительской миссии декабристов «безмерно преувеличено советской пропагандой». Так, в то время председатель общественной палаты Иркутска Александр Голованов утверждал, что все свелось к нерегулярным занятиям местных детишек в школе Раевского в Олонках, так как декабрист «почти все свое время отдавал земледелию» для получения дохода, М. Н. Волконская

«устраивала маскарады и музыкальные вечера, куда приглашались дети иркутских жителей. Кое-кто из декабристов собрал коллекцию минералов, кто-то гербарий... Вот, пожалуй, и все, что совершили ссыльные декабристы на ниве прогресса и просвещения в наших краях» [10, с. 111]. Разумеется, можно было бы уличить высокопоставленного общественного деятеля в слабом знании материала, о котором он взялся рассуждать, и существенно расширить и сферу применения декабристами своих способностей, и количество сделанных ими благих дел. Но суть, наверное, не в этом.

Я несколько не отрицаю определенной идеологической предвзятости при изучении декабристской темы в советский период. Но предвзятость предвзятости рознь. Это может быть и прямым, без рассуждений и нравственных терзаний, исполнением заказа сверху, и несколько романтическим преувеличением заслуг людей, искренне уважаемых и почитаемых исследователями. Если учесть, что начало декабристоведению как особой проблематике в исторических исследованиях было положено только в 10-х гг. прошлого века, после почти векового замалчивания этого события, то вполне объяснимо желание не только радикально, но и либерально настроенных историков показать значимость того, что было сделано «первенцами свободы». Во многом именно этим объясняются мнения П. Е. Щеголева, Б. Л. Модзалевского, Б. Г. Кубалова, М. К. Азадовского и других, ставших своего рода классиками сибирского декабристоведения [1; 13; 15; 21; 22]. Кроме того, для широкого круга читателей, слушателей, зрителей нюансы политических воззрений декабристов были труднодоступны, а вот их культурное подвижничество было понятно. И замечание лектора о том, что Юшневский, например, был прекрасным пианистом, а Волконские были постоянными посетителями иркутского театра, что повлияло на складывание в местном обществе традиций интеллектуального времяпрепровождения (достаточно нейтральное само по себе), способствовало складыванию убеждения, что именно декабристы приучили иркутян к этому. Но ни сами декабристы, ни декабристоведы в этом не виноваты.

Думается, что критики декабристов и советских декабристоведов (может быть, и не желая этого) помогли уже российским декабристооведам взглянуть на проблему с несколько иной точки зрения, при этом полностью не отказываясь от сделанного их предшественниками. Нельзя не согласиться с ними в том, что несколько десятков человек, какими бы высокообразованными, деятельными и одухотворенными самыми высокими идеями они ни были, не смогут преобразовать целую Сибирь в течение тридцати лет (это примерно смена всего двух поколений). А ведь далеко не все из декабристов были такими. По словам А. Е. Розена, Лунин предвидел, что не все смогут выдержать тяготы поселенческой жизни. «Одни женятся, – говорил он, – другие пойдут в монахи, третьи сопьются» [17, с. 265].

Многие действительно были вынуждены жить самой обыденной жизнью, буквально борясь за существование свое и своих близких и, хотя бы частично, сохраняя свой интеллектуальный уровень лишь благодаря товарищеской поддержке декабристской артели. Особенно трудным было положение (и, следовательно, возможность культурного воздействия) тех, кто оказался на поселении

вдали от товарищей. Как с горечью отмечал в письме к сестре П. Н. Свистунов, поселенный в отдаленном селе Каменка: «Чтобы иметь удовольствие от общения с кем-либо, необходима общность вкусов и занятий, возможность беседовать, спорить – все равно о чем – о музыке, об изящных искусствах, о театре, о литературе» [19, с. 234]. Имея поддержку (не только материальную, но и нравственную) от родных и черпая силы в постоянных интеллектуальных упражнениях в литературе и музыке, ему удалось сохранить свой ум, человеческое достоинство, свойственный дворянину образ жизни. Но в полной мере он проявил их уже после перевода в Тобольск, оказав существенное влияние на организацию школьного дела и музыкальную жизнь этого сибирского города. Однако эти черты не способствовали сближению с населением маленькой отдаленной деревушки, которому чужды были и Пушкин, и Гюго, и Глинка, и Россини. Надо думать, что после его отъезда о чудаковатом с их точки зрения поселенце здесь вспоминали недолго.

Более драматично сложилась жизнь также поселенного в одиночестве в волостном селе Кабанском Верхнеудинского округа М. Н. Глебова, убитого из-за полученного им небольшого пособия пьяными собутыльниками. Крайне стеснительное материальное положение, отсутствие поддержки близких, ограниченность интеллектуальных интересов и слабая воля вызывали постоянное беспокойство его товарищей. «Здесь мы встречены были Глебовым, – писал Е. П. Оболенскому Трубецкой в 1839 г. – При виде его и потом его жилища впечатление было грустное. Сколько я мог узнать, кажется, от достоверных людей, все не так дурно, как прежде нам сказывали, но все-таки очень плохо... Ему, кажется совестно и неловко между нами» [20, с. 94]. Все ходатайства товарищей о переводе его «из-за болезненных припадков» в Братский острог, где был поселен П. А. Муханов, бывший для Глебова непререкаемым авторитетом, окончились неудачей.

Сам Муханов может служить примером третьего типа поведения одиночного поселенца. Будучи по природе своей человеком волевым, не столько созерцателем, сколько делателем, он, хотя нередко сетовал в письмах к родным и на бытовые трудности, и на вынужденное «сообщество с людьми самыми негодными», старался следовать принципу: «Я никогда не вражду с настоящим и, как бы худо мне ни было, стараюсь приравливаться к нему» [16, с. 338]. Он активно занимался сельским хозяйством, пытаясь извлечь из этого какой-то доход для своего существования, по просьбе крестьян принял горячее участие в проектировании новой церкви, занимался обмером уровня воды на Падунских порогах Ангары и даже набросал предварительный чертеж плотины, которая могла сделать более безопасным судоходство. Однако в памяти братчан осталось только название его бывшей пашни – «Муханова падь».

Одинокое поселение постепенно убивало в человеке сопротивляемость постоянным трудностям и невзгодам (даже Муханов после 9 лет жизни в «глухом углу» весьма пессимистически оценивал свои перспективы). А непонимание смысла каких-то «умственных занятий» невольного односельчанина, его сословная чуждость недоверчивому, практичному сибирскому крестьянину приводили к не востребовавности местным обществом того, что мог бы он им

дать. Достаточно ощутимо влияние декабристов было там, где складывалась поселенческая колония, чаще в крупных, притрактовых селах или в городах, как это случилось в Иркутске.

Для того чтобы некое воздействие было успешным и прочным, необходимо несколько условий: общественно значимый пример, наличие не одного человека, а целой группы людей, обладающих разносторонними способностями и качествами, а также среда, не только желающая, но и хотя бы отчасти готовая к восприятию новых знаний, навыков и принципов.

Декабристы, безусловно, отвечали первому условию. В состав иркутской поселенческой колонии входили представители высшей аристократии – Волконские и Трубецкие, старинных дворянских родов – Муравьевы, П. А. Муханов, Ф. Ф. Вадковский, В. Ф. Раевский, выходцы из иностранцев, дослужившихся до значительных чинов – А. П. Юшневский, братья Поджио. Если прибавим к этому время от времени наезжавших в Иркутск И. И. Пущина, братьев Бестужевых, И. Д. Якушкина, братьев Кюхельбекеров, получается целая когорта людей, априори ценимых в сословном обществе. Разумеется, были и мелкопоместные, малоимущие, не имеющие значимых родственных связей декабристы – В. А. Бечаснов, П. Ф. Громницкий, А. Л. Кучевский. Но только первый достаточно часто бывал в губернском городе, и его добродушный, веселый нрав снискал ему если не любовь, то доброжелательность иркутян. Но дело было не только в происхождении, хотя это в какой-то мере способствовало повышению к ним интересу. Едва ли не большее значение имело то, что в большинстве своем это были хорошо образованные люди, имевшие обширные знакомства и с сильными мира сего, и с авторитетными уже в России деятелями культуры. При этом они были достаточно просты в обращении, охотно откликались (насколько это было возможно в их положении) на нужды местного общества, словом, показывали пример, разительно отличавшийся от того, что иркутяне видели от большинства приезжих чиновников. Не случайно хорошо знавший всех иркутских декабристов Н. А. Белоголовый в своих воспоминаниях отводил именно им роль своеобразного рубежа, за которым в иркутском обществе происходит переоценка ценностей. «Одновременное появление в небольшом и разнокалиберном обществе двадцатитысячного городка пятнадцати или двадцати высокообразованных личностей не могло не оставить глубокого следа, – писал он, – они скоро завоевали себе общую любовь и уважение в Иркутске, и благотворное влияние их на окружающую среду было глубоко, хотя, быть может, и не легко уловимо, потому что достигалось медленно и незаметно не громкими фразами и не блестящими делами, а разумной и всегда согретой гуманными наклонностями беседой и личным примером безукоризненной честности во всех проявлениях своей будничной жизни, бывшей на виду у всех. Каждый из них в отдельности и все вместе взятые – они были такими живыми и превосходными образцами культуры, что естественным образом поднимали значение и достоинства ее в глазах всякого, кто с ними приходил в соприкосновение» [3, с. 271–272].

Важным условием воздействия на общество является наличие в группе «культурных доноров» женщин и детей. Именно они более всего склонны к

подражанию, именно через них новшества постепенно проникают в жизнь семьи, а затем часть этих новшеств становится новой нормой всего общества или какой-то его части. Естественно, что женщины в то время не могли в полной мере подражать мужчинам. В лице декабристок иркутяне встретились с совершенно новым для них типом поведения женщины. Познакомившийся в Иркутске с М. Н. Волконской и Е. И. Трубецкой Б. В. Струве отмечал: «Высшее утонченное образование, полученное этими двумя дамами в молодости, поставило их выше всяких сословных предрассудков» [4, с. 89]. Также воспринимала их и тогда еще очень молоденькая матушка олонского священника Петра Сперанского: «Видно было и по манерам и разговорам, что они не простые дамы, хотя и держали себя замечательно просто, ласково, видна на лицах их доброта» [4, с. 111]. Они были просты в обращении и были одинаково органичны и в гостинных чиновников местной администрации, и в избах односельчанок, куда приходили навестить больных или принять участие в семейном празднике. Длительное пребывание этих женщин в среде сибиряков, постоянство их образов и стиля поведения предоставляло тот культурный пример, которого Сибирь в определенном смысле была лишена и из-за отдаленности от центра, и из-за отсутствия дворянства, бывшего в то время носителем классической культуры. Достаточно хорошо это известно в отношении литературы, музыки (именно женщины, особенно на первых порах, выписывали газеты, книги, ноты), но не меньшим было их влияние в сфере быта и места, которое имеет право и должна занимать женщина в обществе. Курьезный, на первый взгляд, эпизод, рассказанный П. Е. Анненковой о нанесенной ею обиде из-за плохого знания языка ее добрым хозяевам купцам Наквасиным, получил, может быть, и неожиданный для нее, но весьма положительный эффект. Когда она через девять лет вновь встретилась с этим купеческим семейством, «они были совсем уже другие люди... и они высказали, что обязаны не кому другому, как мне, своей цивилизацией, что, со времени моего пребывания в их доме, им многое сделалось понятным, и с гордостью показывали мне свое [столовое] белье, которое, действительно было превосходно: все из лучшего» [5, с. 146–147].

Позже пример княгинь подвиг некоторых иркутян доверить ссыльным образование не только своих детей, но и жен, надо думать, не против их желания. В этом отношении весьма любопытна запись от 24 января 1844 г. в дневнике гувернера Миши Волконского Юлиана Сабиньского: «На этих днях я имел предложение от госпожи Медведниковой, жены купца..., желающей обучаться у меня немецкому и итальянскому языкам... По-французски, как утверждает старший Поджио, она уже хорошо понимает и говорит достаточно неплохо, но желает еще больше усовершенствоваться в этом языке и в музыке, и просила об этом и младшего Поджио. Побеседовав с княгиней Марией и обдумав с ней распорядок времени», определил, «что я могу иметь два свободных дня в неделю» [18, с. 563]. А. К. Медведникова стала первой в Иркутске женщиной, удостоенной звания почетной гражданки.

К середине 40-х гг. необходимость образования для мужчин осознавалась не только дворянством, но и купечеством, и разночинцами. С женским образованием дело обстояло иначе. С одной стороны, среднее чиновничество, осо-

бенно приезжее, не имея достаточно средств или протекций, чтобы поместить дочерей в московские или петербургские институты, искало возможности дать им приличное образование в Иркутске. Но их было не слишком много. Слой образованного купечества, если и не понимающего еще настоящей потребности в этом, то согласного на это в силу своего положения, также был невелик. Подавляющее большинство местного населения считало, что девочек если чему и следует учить, то это ведению домашнего хозяйства, рукоделию, немного музыки, танцам и (для тех, кто близок к местному бомонду) французскому языку. Осознание необходимости женского образования произошло без участия (или при минимальном влиянии) декабристов. Декабристы оказали влияние, скорее, на изменение требований к характеру этого образования в местном обществе. Это произошло не сразу, может быть, даже не всегда и не всеми было осознано и проявлялось через хорошие отношения декабристов с начальницами женских учебных заведений – К. К. Кузьминой, М. А. Дороховой, Н. Ф. Розен, Е. П. Ротчевой, находившихся в дружеских, а иногда и родственных отношениях с изгнанниками. Влияние было опосредованным, например через подбор репертуара для уроков музыки и концертов на выпускных актах в Девичьем институте, где преподавал домашний учитель детей Волконских И. Борзатти. Стремление улучшить образовательный уровень в Сиропитательном доме способствовало сближению его начальницы Е. П. Ротчевой с И. Д. Якушкиным, с разрешения начальства приехавшим в 1854 г. в Иркутск для лечения. Применяемые ею методы работы с воспитанницами – создание «специальных классов для совсем маленьких детей», «чтение вслух и по очереди», «избегание наказаний за проступки» – свидетельствуют о ее знакомстве с опытом работы декабриста в ялуторовской школе для девочек, открытой им в 1846 г. в память об умершей жене [14, с. 71; 11, с. 427–428]. Большое воспитательное воздействие, наверняка, оказывало решение М. А. Дороховой приводить своих лучших старшеклассниц на литературные и музыкальные вечера у Волконских, давая тем самым им «возможность знакомиться со взглядами, приемами и навыками людей, гуманность, умение достойно переносить тяжелые обстоятельства жизни и воспитанность которых всегда стояли вне всякого сомнения» [12, с. 62].

Появление в иркутском обществе жен «государственных преступников», их облик, образ жизни, отношение к ним окружающих (а считаться с ними приходилось даже генерал-губернаторам) заставили пересмотреть этот взгляд. В известном смысле они стали образцом для иркутянок. Примером стали и дети декабристов. И если уж декабристы помещали своих детей в здешнюю гимназию, Сиропитательный дом или Девичий институт, то не было ничего зазорного в том, чтобы последовать их примеру. Впоследствии получившие определенное образование женщины изыскивали любые возможности для того, чтобы их дочери имели то же самое. Немногие оставшиеся в Иркутске дети бывших ссыльных продолжили эту традицию. Так, дочери учившихся в Сиропитательном доме Анны Кюхельбекер (в замужестве Миштовт) и Зинаиды Бечасной (Гирченко) окончили Девичий институт [6, л. 29; 7, л. 39 об.–40; 8].

Однако наиболее привычной и понятной для того времени формой участия в общественной жизни была благотворительность. Правда, направленность этой благотворительности ко времени прибытия в Иркутск декабристов была еще довольно односторонней – церковь и богоугодные заведения: больницы, богадельни. Другие сферы, особенно образование, вызывали сомнения и даже определенное недоверие. Достаточно вспомнить судьбу иркутского народного училища: его существование во многом зависело от пожертвований «городских обывателей», которые далеко не всегда к этому были готовы. Известно, что даже такие достаточно просвещенные для своего времени купцы, как Сибиряковы, в конце XVIII в. отказались вносить деньги на дело народного просвещения, так как не видели в этом особой пользы. К 30-м гг. XIX в. это отношение начинает меняться. Именно купцы Медведниковы стали инициаторами учреждения в Иркутске женского учебного заведения. Их поддержали и другие представители этого сословия – Баснины, Белоголовые, Кокорины, которые жертвовали значительные средства на содержание Сиропитательного дома, а также свое время, дав согласие войти в попечительский совет.

Благотворительная деятельность декабристов носила, казалось бы, частный характер. Разумеется, сами «государственные преступники» не могли делать это открыто, особенно в губернском городе, где никогда не было недостатка в желающих получить одобрение начальства своевременным доносом. Но вряд ли Мария Николаевна или Екатерина Ивановна решили взять на содержание в качестве пансионеров Сиропитательного дома дочерей своих товарищей Аннушку Кюхельбекер и Христину Дружинину без согласия своих мужей. Конечно, по провинциальным меркам оба семейства были достаточно состоятельными, но лишних денег (особенно у Волконских в этот период) практически не было, во многом они зависели от внимательности и обязательности в финансовых делах своих родных. Нельзя сказать, что участие женщин в благотворительной деятельности было необычным явлением. В столицах, например, славились такими делами и А. П. Лабзина, и А. А. Орлова. Но для Сибири это было еще непривычно. Если посмотреть на список благотворителей Сиропитательного дома первых лет – это исключительно мужчины. Первой нарушила традицию мать декабристов Муравьевых Екатерина Федоровна, взявшая на себя заботу об Ольге Ивановой, а вслед за ней – две невольные иркутянки Трубецкая и Волконская. В дальнейшем (в конце 40–50-х гг.) в качестве попечительниц стали выступать «первые леди» края (Е. Н. Муравьева), жены высокопоставленных чиновников (А. С. Казимирская), жены купцов (Анна Мясникова).

Благотворительная деятельность, вне зависимости от того, кто ею занимается и от причин обращения к ней, давала человеку общественное признание. В Иркутске, где организаторами такой деятельности чаще всего выступало купечество, отличавшееся к тому же определенной независимостью суждений и поступков, это носило подчас даже особый, подчеркнутый характер. Направленная на общественное благо инициатива жен «государственных преступников» позволяла проявить и уважение к новым землякам, и определенную самостоятельность иркутских именитых людей. Так, составляя списки почетных гостей торжественного выпускного акта в Сиропитательном доме, члены попе-

чительного совета сразу после перечня официальных лиц в числе частных «гостей» ранее всех остальных называли Марию Николаевну Волконскую и Екатерину Ивановну Трубецкую «с семействами» [9, л. 14 об.], что, естественно, не осталось незамеченным иркутским обществом.

Можно сказать, что декабристки следовали привычным для их сословия традициям, еще не получившим признания в отдаленных местах, но не противоречащим ментальности людей из других сословных групп и не требовавшим резкого изменения образа жизни (как, например, те же салоны, которые посещали в основном жены немногих, как правило, высших чиновников). Уважение, которым пользовались в обществе Волконская и Трубецкая, облегчало для иркутянок вступление и все более активное участие в общественной жизни.

Но любое влияние возможно лишь в том случае, если, пусть не все общество, а лишь какая-то его часть, готова к восприятию чего-то нового, если это новое не просто любопытно, но и полезно, насущно, а может быть, даже и необходимо. Следует заметить, что тем декабристам, которые образовали иркутскую колонию, очень повезло: здесь были такие люди, губернский город действительно предоставлял большие возможности. И дело здесь отнюдь не в наличии большого количества чиновников. Конечно, в губернском городе их было больше, но местное население относилось к ним настороженно, часто даже с недоверием, недаром они получили обидное прозвище «навозных». Разумеется, среди них были люди высокообразованные, ответственные, честно исполнявшие свои обязанности, но даже они нередко смотрели на свое пребывание в Сибири как на временное, как на отчасти докучную, но обязательную ступеньку в карьере, а на местных жителей как на чудаковатых провинциалов. Отношения между ними и сибиряками были достаточно сложными, зачастую отстраненными, и вряд ли было возможно прямое влияние одних и подражание других.

Но в больших городах то же купечество должно было контактировать с властями, а для этого надо было знать правила игры. Это во-первых. Во-вторых, крупное купечество должно было по делам бывать в столицах, входить в сношения не только с представителями своего сословия. *Volens-nolens* они должны были знакомиться с элементами дворянской культуры (а это – время ее расцвета), и она, безусловно, оказывала свое влияние, особенно на молодых. Это относится к Басниным, Белоголовым, молодым Сибиряковым, отчасти к младшим Трапезниковым (отчасти – потому что в этом семействе были очень сильны патриархальные начала). В известном смысле это относится и к местным чиновникам и военным, начинавшим службу с самых низов и постепенно «самих себя строивших» (Тюменцевы, Разгильдеевы). Уровень общего развития, широта интересов и жадность к новому некоторых из них в большей или меньшей степени уже соответствовали интеллектуальному уровню декабристов. Разумеется, их было еще немного, и они не делали погоды в местном обществе, слыли чудаками, а некоторыми, наиболее приверженными старине, иронически именовались «воронами в павлиньих перьях».

Одним из самых ярких представителей «возникающего нового поколения иркутских граждан», как сказал старейший иркутский купец С. С. Дудоровский, был Василий Николаевич Баснин. Он был «воспитан по новой методе, то

есть по-светски, но... с прекрасной нравственностью, с высокими религиозными понятиями о добре и чести, с пламенной, патриотической любовью к общим пользам», занимался «торговлею не как ремеслом, но как наукою», изучал «ее по фактам и на практике». Однако он находил время и на другие дела: «с примерным рвением» занимался «собираением книг и картин» [1, с. 445–446]. Не случайно, познакомившись в 1828 г. с А. Н. Муравьевым, Василий Николаевич затем сблизился и с другими. У него находились общие интересы с Волконскими и Трубецкими (книги, музыка, садоводство), с П. И. Борисовым (ботанические занятия), А. В. Поджио и П. А. Мухановым (педагогика, предпринимательство), братьями Бестужевыми (научные занятия, живопись). Баснин, с одной стороны, прекрасно понимал потенциал декабристов и сознательно многому у них учился, а с другой – и сам мог поделиться с новыми товарищами своими знаниями о Сибири, местной истории, обычаях и пр., т. е. взаимобмен был равноправным. В их общении была абсолютная свобода и взаимное уважение. И когда иркутское общество увидело естественность этих доверительных отношений, оно восприняло и стало культивировать эти новые для них традиции.

Бесспорно, здесь происходило влияние не только декабристов, но и той классической, в то время в большей степени дворянской, культуры, носителями которой были эти люди. То есть декабристы стали проводниками этой культуры, в некоторых случаях осознанно, в других – просто потому, что, как когда-то сказал Б. Ш. Окуджава, «как он дышит, так и пишет, не стараясь угодить». В данном случае декабристы как дышали, так и жили, создавая и утверждая тем самым в иркутском обществе определенный стереотип образованного, культурного, исповедующего высокие нравственные идеалы и общественно активного человека.

Список литературы

1. *Азадовский М. К.* Николай Бестужев – этнограф // Сиб. жив. старина. – 1925. – Вып. 3–4. – С. 9–40.
2. *Александров М.* Иркутск (лето 1827 года) // Записки иркутских жителей / сост. М. Д. Сергеев. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990.
3. *Белоголовый Н. А.* Воспоминания сибиряка // М. С. Знаменский, Н. А. Белоголовый. Исчезнувшие люди: Повести, статьи, воспоминания. Воспоминания сибиряка / сост. Н. Н. Александрова, Н. П. Матханова. – Иркутск, 1988.
4. «... В потомках ваше племя оживет...»: Воспоминания о декабристах в Сибири / изд. подгот. С. Ф. Ковалем. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1986.
5. Воспоминания Полины Анненковой. – Красноярск, 1977.
6. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 64 (Девичий институт Восточной Сибири. Иркутский институт Николая I). Оп. 1. Д. 39 (Отчет о состоянии Института за 1865 г.).
7. ГАИО. Ф. 64 (Девичий институт Восточной Сибири. Иркутский институт Николая I). Оп. 1. Д. 42 (Отчет о состоянии Института за 1867 г.).
8. ГАИО. Ф. 64 (Девичий институт Восточной Сибири. Иркутский институт Николая I). Оп. 1. Д. 624 (Личное дело воспитанницы Гирченко Евдокии Петровны).

9. ГАИО. Ф. 156 (Иркутский сиропитательный дом). Оп. 1. Д. 32 (Дело об экзаменационных испытаниях воспитанниц и пансионеров Сиропитательного дома и торжественных выпускных актах).
10. *Голованов А.* Иркутск болен декабризмом и не лечится // Иркутский кремль : правосл. альманах. – 2010. – № 1(4).
11. *Дружинин Н. М.* Декабрист И. Д. Якушкин и его ланкастерская школа // Дружинин Н. М. Избранные труды: Революционное движение в России в XIX в. – М.: Наука, 1985.
12. Исторический очерк деятельности Иркутского института императора Николая I: первое пятидесятилетие. 1845–1895. – Иркутск : Тип. Макушина, 1896.
13. *Кубалов Б. Г.* Декабристы в Восточной Сибири / Б. Г. Кубалов. – Иркутск, 1925.
14. *Матханова Е.* «Принцесса Елена» // Земля Иркутская. – 2004. – № 3(26).
15. *Модзалевский Б. Д.* Декабристы: Мелкие заметки и материалы // Минувшие годы. – 1908. – № 1. – С. 277–285.
16. *Муханов П. А.* Сочинения и письма / П. А. Муханов ; изд. подгот. Г. В. Чагиным. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991.
17. *Розен А. Е.* Записки декабриста / А. Е. Розен ; изд. подгот. Г. А. Невелевым. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984.
18. *Сабиньский Ю.* Дневник моей неволи // Воспоминания из Сибири : мемуары, очерки, дневниковые записи польских полит. ссыльных в Вост. Сибирь первой половины XIX столетия / публ., сост., пер., коммент. Б. С. Шостаковича. – Иркутск : ООО «Артиздат», 2009.
19. *Свистунов П. Н.* Сочинения и письма / П. Н. Свистунов ; изд. подгот. В. А. Федоровым. – Иркутск : Мемориальный музей декабристов, 2002. – Т. 1.
20. *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности / С. П. Трубецкой ; изд. подгот. В. П. Павловой. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. – Т. 2.
21. *Штрайх С. Я.* Декабрист Лунин в Сибири // Декабрист М. С. Лунин : соч. и письма. – Пг., 1923. – С. 98–115.
22. *Щеголев П.* Декабристы на пути в Сибирь: По неизданным материалам // Отклики. – 1914. – № 22. – С. 3–5.

The Decembrists' Impact on the Formation of Cultural Traditions in Irkutsk: Reasons, Origins, Consequences

T. A. Pertseva

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article considers the reasons for contradictory attitude toward the Decembrists' impact on the formation of cultural traditions in Siberia. On the basis of their contemporaries' memoirs, including Siberians' ones, the author attempts to examine the origins of the impact of the "public criminals" on the formation of cultural traditions in Siberia: their background, educational level, personal qualities, grade and forms of their involvement into the local life. Moreover, the author emphasises the level of cultural interests of different social classes of Irkutsk society and its willingness to accept a new system of social relations and view of life.

Keywords: Decembrists, Siberia, Irkutsk society, merchants, officials, education, cultural influence.

Перцева Тамара Алексеевна

кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России

Иркутский государственный университет

664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1

тел.: 8(3952)24-05-22

e-mail:pta_999@mail.ru

Pertseva Tamara Alekseevna

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History of Russia

Irkutsk State University

1, Karl Marx st., Irkutsk, 664003

tel.: 8(3952)24-05-22

e-mail:pta_999@mail.ru